

Андрей Римский-Корсаков

ПИСЬМА ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКА

(Хроники неравнодушного)

Северный Казахстан... Во времена пресловутого культа личности этот край, как известно, был средоточием многих «бывших» людей. Здесь отбывали ссылку и праправнучка Пушкина Н. Е. Воронцова, и внучатая племянница Лермонтова К. А. Сабурова, и выпускница Смольного института княгиня Н. А. Козловская, жена генерала, руководителя Кронштадтского мятежа. Здесь трудился «враг народа» пианист С. Н. Коншин и выпускники Пажеского корпуса, а после актеры театра – «лишенцы» П. В. Кузьмин и князь Г. И. Кугушев, а также многие другие, оказавшиеся на обочине советской жизни. Все они, подчас помимо своей воли, хотя бы в силу своего воспитания, культуры, знаний создавали тот нравственно-культурный фон города, который так необходим для любого общества.

Не оставался в стороне и мой отец, Георгий Алексеевич Римский-Корсаков (1891–1971). Как-то, уже в эпоху оттепели, когда приоткрылся железный занавес, установив связи с родственниками-эмигрантами, он им писал: «Я немного горжусь тем, что внес и свою небольшую долю музыкального просвещения и культуры в этот богатейший край пшеницы и необозримых степей. Таким образом, я остался верен традиции старой русской интеллигенции – сею разумное, доброе, вечное». И добавил иронично: «Это значит, что остался неисправимым романтиком – качество очень невыгодное во все времена». Почти три десятка последних лет жизни он провел в Петропавловске, куда его с семьей из Москвы забросила война.

Родился мой отец в Тверской губернии, в имении своих родителей Журавлёве. Детство и юность его проходили в атмосфере искусства: музыки, театра, с домашними концертами, спектаклями, музицированием, общением с музыкантами, близкими к П. И. Чайковскому, воспитанниками Московской консерватории. Его домашним учителем музыки был Генрих Пахульский, польский композитор. Образование отец получил в Москве, в частной гимназии Поливанова, и в Петербурге, в известной гимназии Карла Мая. Затем учился в Императорском Училище правоведения. В 1912 году поступил на военную службу вольноопределяющимся в Гвардейскую Конную артиллерию. В 1-й Мировой войне участвовал в боях в Восточной Пруссии, затем – в армии Брусилова.

После Октября 1917-го новая власть не спешила пользоваться услугами таких людей как отец, и нигде он не задерживался более года – «сокращение по классовому признаку» настигало его всюду. Он же что-то всё хотел и не сдавался. Кто кого? – жестоко и неумолимо стоял постоянно перед ним этот вопрос, и каждый раз отцу везло. Да, везло, другим было много хуже. Муж сестры в 1928-м был выдворен в Киргизию, а затем и в Казахстан, двоюродных сестер отправили в Атбасар; в 1929-м – погиб дядя-железнодорожник, «вредитель» Н. К. фон Мекк, родные тетки – высланы кто куда, на погибель; в 1937-м поехал на Колыму его брат Дмитрий. Как-то стал отец подсчитывать – насчитал около 50 человек – друзей, родных, знакомых, – которым «не повезло». Сам Георгий Алексеевич неоднократно вызывался на допросы в НКВД, не раз арестовывался. Когда в 1932 году в Москве меняли паспорта – отцу и его матери в паспортах было отказано, и в продуктовых карточках тоже, как «тунеядцам», по доносу. Это уже было чревато серьезными последствиями. Потребовалось обращаться к Е. Пешковой и М. И. Калинину, чтобы устранить это «недоразумение» – паспорта были выданы исключительно за заслуги его матери княгини С. К. Голицыной в деле женского образования в дореволюционной России. Тогда же отец, видимо, для «безопасности», сократил фамилию и стал просто Корсаковым.

В те беспокойные годы он работал, где придётся. В частности, консультантом и администратором у известных балетмейстеров А. Горского и затем К. Голлейзовского. Заведовал школой танца, входил в худсовет Большого театра (в 1928–1929 гг.). С 1932 года работал научным сотрудником Театрального музея имени Бахрушина в Москве.

С началом войны, в 1941 году, Георгий Алексеевич с семьей поселяется в Петропавловске в семье ссыльной сестры Наталии и ее мужа, А. А. Вершинина. В городском Доме пионеров он организует музыкальный кружок, который стал основой детского музыкального образования в городе. Затем в разные годы он возглавляет коллектив музыкальной школы слепых, трудится в редакции районной газеты «Путь к коммунизму» в Пресновке, у писателя Ивана Шухова. В Петропавловске в областной газете регулярно появляются его обзоры культурной жизни города.

В 1944 году он назначен директором Петропавловского краеведческого музея, затем директором детской музыкальной школы, где обучает детей азам фортепианной игры. Когда в 1957 году открылось музыкальное училище, он преподает в нем теорию и историю музыки. За 25 лет педагогической деятельности в Петропавловске им подготовлены сотни специалистов, многие из которых стали видными музыкантами, педагогами, руководителями музыкальных коллективов Казахстана, работали в теле- и радиокompаниях.

В последние годы жизни в Петропавловске Г. А. Римский-Корсаков написал ряд мемуарных работ, среди которых очерки о русском балете, о Чайковском, о Клоде Дебюсси, корифеях театра начала XX века, о К. С. Станиславском, о службе в царской армии, учёбе в гимназиях и училище правоведения, о помещичьем быте и, конечно, о пребывании в Петропавловске, а также о своей знаменитой бабушке Надежде Филаретовне фон Мекк, меценатке и друге великого П. И. Чайковского, 13-летняя переписка с которым неоднократно переиздавалась.

Для нас, его детей, пожалуй, самое ценное во всей этой его петропавловской «эпопее» было то, что благодаря ей мы имеем сегодня большое количество его

писем. Посредством их на протяжении 28 лет жизни в Петропавловске отец регулярно поддерживал связь с родными и близкими, живущими в разных городах и весях.

Пересылая сыну Дмитрию из Петропавловска в Москву свой разросшийся домашний архив, отец сопроводил его такими строками:

«Я посылаю тебе, Дима, «письма». Я вполне понимаю, что они имеют ценность только для меня и для вас, если вы когда-нибудь захотите проникнуть во внутренний, духовный мир своего отца. Ну а будет ли у наших потомков возможность их хранить? Сильно сомневаюсь. Если бы это еще были глиняные вавилонские или египетские письма, они имели бы шанс уцелеть при всяких случайностях и атомных катастрофах. Все, чем мы живем, что нас окружает в нашем быту, – все это имеет проходящее, временное значение и ценность для двух, трех поколений людей...»

Письма отца пока сохраняются в наших семьях. Перебираешь их, и невольно приходит мысль, грустная, даже страшноватая, – как хорошо, что технический прогресс XX века не успел лишит нас возможности общаться посредством писания простым пером по листку бумаги! Что бы мы имели сегодня, в век Интернета и мобильных телефонов? В век эсэмэсок и скайпов? Куда будет обращаться нынешнее поколение, если оно захочет когда-нибудь проникнуть в духовный мир своих родителей, бабушек и дедушек? Да просто захочет что-то восстановить в памяти из прошлого? Пока же у нас, счастливых, такая возможность есть. И мы попробуем хотя бы бегло пролистать эти письма из Петропавловска, уже начинающие желтеть от неумолимого времени. В них штрихи городской жизни и быта, а также наблюдения, факты, мысли по поводу...

5.03.59. Балбашевским, друзьям юности, в Бразилию. Мы с Вами живем не только в разных географических широтах, но и на разных социальных полюсах. Вряд ли Вы на уроках географии в гимназии предполагали, что когда-нибудь будете жить в окружении крокодилов и анаконд, и могли представить себе эту жизнь. То же и я – никогда раньше ясно не представлял себе Сибирь, степи ровные, и на них людей и машины, людей и машины...

10.06.59. Сыну Андрею. Петропавловск очень пытается строиться. На Ленинской строят три дома... уже три года. Говорят, не хватает кирпича. Опять копают Ленинскую. Городской парк открылся, несмотря на холод. Тепло стало только несколько дней. В парке все то же, только зелень плохая, т. к. всю весну до сих пор не было ни одного дождя и травы нет.

24.08.59. Сыну Александру. ...Играющих в теннис в парке очень мало. На днях там была в цирке выставка цветов и плодов. Оказывается, что в Петропавловске очень много любителей цветов, кроме Ляпунова (старейший житель города, зав. отделом церковью при Облисполкоме. – *Прим. А. Р.-К.*). Цветы прекрасные, и замечательные яблоки, громадные, и вишни. Значит, это все возможно разводить в Северном Казахстане, – только нужны заботливые руки.

7.09.59. Сыну Дмитрию. ...Ляпунов получил I премию и рассказывал, как публика покушалась на цветы и яблоки. Трое пьяных просили им дать яблоко закусить, и когда им отказали, один все-таки откусил половину самого большого яблока. Цветов было много и очень хорошие. На Ленинской полно цветов, и вечером табаки сильно пахнут.

...Я занимаюсь с колхозниками историей музыки на курсах хоровиков. К сожалению, они уже кончаются. Славные ребята. Как они далеко ушли от до-революционной крестьянской молодежи, хотя настоящей культуры еще очень мало.

22.10.59. *Сыну Андрею.* Много сил у меня берет Муз. училище. Мне приходится вести уроки в небольших классах, куда набивается до 80 учащихся (сразу две группы)!!! Кто сидит, кто стоит. Шумят, разговаривают и даже дерутся! Приходится очень напрягать голос. И вот результат: на днях сильно заболела грудь и сердце.

В Муз. училище не хватает помещения (классов) для занятий. Уроки начинаются в 8 утра и до 11-12 ночи. Учащиеся остаются на ночь, чтобы играть на пианино. Нет преподавателей по фортепиано, скрипке. Хаос, беспорядок. Обязательное фортепиано преподают баянисты! Звали меня еще читать лекции в Университет культуры, но я отказался...

28.04.61. *Нине Балбашевской, в Бразилию.* Диме очень интересно, видали ли в Бразилии летающие тарелки (диски)? Что у вас о них пишут? Это какая-то непонятная чертовщина. А что Вы знаете о находке кувшинов с рукописями в Египте (не Палестине)? Их как будто считают пятым Евангелием от Фомы? Я читаю «Humanité» (газета французских коммунистов. – *Прим. А. Р.-К.*), там о таких вещах не любят писать.

...Пишите обо всём, но только не так мелко. Лупы у меня под рукой нет. Для этого приходится идти в Музей. Не шутите с этим. Здесь, в Музее, есть много костей мамонтов, каменного быка, козла. На бивнях примитивные рисунки охотничьих сцен. А в прошлом году в песке на берегу реки Ишим (см. карту) нашли хорошо сохранившегося мастодонта, свыше 8 метров длиной. А в степи находят зубы акул. Дно бывшего океана! А через несколько миллионов лет на этом месте старый учитель, gamolli (старик-склеротик. – *Прим. А. Р.-К.*), стал рассказывать своим ученикам о Бетховене, и они мирно спали. А еще через несколько миллионов лет... и т. д.

5.11.62. *Сыну Андрею.* Какие у нас новости? Вчера удалось купить белого хлеба, которого дают только «две булки» (как и серого). Масла нет. Муки нет. Риса нет. Вермишель «бывает». Картофель «бывает», и дорогой – 40 коп. кг. Очереди и очереди. Кто работает, тот не ест. Впрочем, настроение у всех бодрое, т. к. вина много.

В театр приехали молодой режиссер из ГИТИС'а и новый художник, нового направления. Говорят, публика встретила его декорации аплодисментами (впервые в истории здешнего театра!), а приёмная комиссия очень разругала и не хотела разрешить спектакль.

...На днях вдруг наше радио сообщило, что в Петропавловске проживает внук Н. Ф. фон Мекк, пенсионер, «старейший преподаватель города». Merci! Зачем мне такая publicity.

08.12.62 г. *Сыну Дмитрию.* ...Из писем зарубежных родных лишний раз убедился, как они по-другому живут, чем мы, и по-другому мыслят. Из страшного эксперимента, который проделали мы, они ничего не поняли и ничему не научились. Я пришлю тебе несколько писем. Они очень заставляют задуматься.

Не знаю, смогу ли я тебе послать № 11 «Нового мира», а прочесть его надо. Повесть «Один день Ивана Денисовича» ошеломляет и потрясает. Это и очень талантливо, и чудовищно правдиво. Как говорится: крыть нечем. Она очевидно уже переводится на все языки мира. Впрочем, комментарии здесь не нужны. Там же очень любопытен путевой очерк Некрасова. Неужели это всё не заставит задуматься мудрецов?

22.09.63. *Сыну Дмитрию.* Дима, а у меня новость: купил Гусева – III часть, в КОГИЗе. I часть дочитываю с громадным вниманием и интересом. Некоторые главы особенно меня волнуют. Так, учась в Казани в 1840-х годах, он близко познакомился с семьями Молоствовых, Толстых, Депрейсов и Мертваго (друзья моей тети В. А. Полторацкой, которых я у ней встречал). А спустя 80 лет, в годы гражданской войны, я приехал в Казань и познакомился с младшим поколением этих же семей! И жили они ещё в своих старинных домах (потом их выселили). А первые невесты Толстого (из II тома) – Арсеньева и Щербатова-Уварова, я их знал древними старухами. И что самое-самое волнительное – это описание падений, взлётов, крушений, и побед духа, и сомнений, без конца сомнений, поисков верного пути, опять соблазнов, кризисов, и борьбы со своим вторым физическим «Я», и просветлений.

28.10.63. *Сыну Александру.* ...Саша, я тебе пишу, а Ирочка учит причины возникновения революционной ситуации в России в 1917 году и роль партии в Революции. А Толстой для детей написал «Азбуку» и рассказы о лисе и зайчике. Кто прав?

7.01.64. *Сыну Александру.* Сегодня Рождество. Поздравь маму и других христиан под вашей крышей (если найдутся)... Я надеюсь, что вы все последователи христианского ученья... Утром, в 9 часов, появилась соседка тетя Груша и пропела нам длинный акафист в честь Рождества. А до этого: «Сею, вею, посеваю, с новым годом поздравляю». Очень приятно.

У нас ЧП: купил в кредит книжный шкаф (он запирается ключом, но магазин его потерял, обещают выписать из Риги!), рижский. Давление поднялось в соответствии с его ценой (140). Кошмар! Экзамены! Кошмар! Хлеб – кошмар!

7.03.64. *Сыну Дмитрию.* Вчера было общее радостное волнение по поводу нового закона о пенсиях. Я вспомнил 19 февраля 1861 года (день отмены крепостного права. – *Прим. А. Р.-К.*). А сегодня всеобщее уныние, разочарование и недоумение. Написан он безграмотно и, увы, непродуманно. Почему повара могут работать, а преподаватели музыки – нет? Впрочем – тысяча почему. Конечно, лучше, когда думают головой, но не всегда это удаётся.

Купил я, Димуша, книгу рассказов современных французов. Думаю, что не промахнулся. А как тебе понравился Моруа? Какие жестокие рассказы, но как талантливо, живо, остроумно и без доярок, и химиков, и новостроек!

Жаворонки будут петь всегда. Даже после уничтожения Европы и Северной Америки. Но дело не в этом, а в том, что слушать, как они поют, могут очень немногие люди, счастливыцы. Тетя Катя (в Сан-Пауло) тоскует по заячьим следам на снегу. Но я ведь от этих следов так же далёк, как и она. Н. Е. Воронцова (правнучка А. С. Пушкина. – *Прим. А. Р.-К.*) уехала, и больше в Петропавловске нет никого, с кем можно было бы поговорить о жаворонках и следах. Бывают дни, когда особенно это чувствуется.

12.03.64. *Сыну Дмитрию.* Сегодня в городе ЧП: привезли кубинские апельсины. В очереди встали сотни людей. Вдруг объявляют: «Апельсины отравлены. Продажа запрещена». Те, кто жадно их пожирал, сразу схватились за животы...

Осипов (педагог Музучилища. – *Прим. А. Р.-К.*) спросил заведующего Облсобесом, разрешат ли преподавателям музыки работать и получать пенсию? Ответ: Нам преподаватели музыки не нужны. Нам нужна большая химия. Нет преподавателей? Училище можно закрыть.

29.03.64. *Сыну Дмитрию.* ...Шутка с апельсинами была провокацией, которая при отце родном вызвала бы жертвы, т. к. это были кубинские апельсины. Их потом продавали. У меня все ели и ничего не случилось. ...

30.05.64. *Сыну Дмитрию.* Ну, уроки уже кончаются, и начались экзамены. Я извёлся и стал даже на уроках кричать и стучать кулаком, и с трудом удерживаюсь, чтобы не послать их к ...

Экзамен по фортепиано повысил мне давление. Я очень волновался за учеников. Они играли все превосходно. Все получили – 5. Мои товарищи преподаватели злились. Ведь у меня нет диплома!

8.06.64. *Фанни Беннигсен, в Париж.* Я с удовольствием почитаю то, что ты написала о своем путешествии по Монголии (в 1912 г. по заданию Генштаба, вместе с мужем. – *Прим. А. Р.-К.*). Я ведь немного помню рассказы об этом. Как я уже писал тебе, что хотя и мало знал Адю (ее муж, эмигрант, двоюродный брат. – *Прим. А. Р.-К.*), но его всегда очень ценил как человека. Мы с ним встречались в 1914 году, служба в одном корпусе. Я был в конной артиллерии. Я не раз думал о том, как печально, что наши пути жизненные так разошлись. Но разве только у нас.

Недавно я прочел в нашем журнале «Неделя» о подвиге сестры Марии (Кузьминой-Караваевой), и я подумал, почему бы Алику (сын Фанни и Адама Беннигсен. – *Прим. А. Р.-К.*) не написать воспоминание о своём участии в Сопротивлении – Resistance. Может быть, ещё какие-нибудь русские принимали участие в этом героическом движении. Это было бы крайне интересно для наших читателей

26.06.64. *Сыну Дмитрию.* При случае спроси батюшку, правда ли, что у нас церковь отделена от государства? Тогда при чем тут паспорта и 5 рублей (такса) за обряд крещения. Как в парикмахерских или в бане.....!

Посылаю тебе вырезку из целинной газеты. Очень интересная, почитай.

20.08.64. *Сыну Дмитрию.* С удовольствием прочел «День сардин». Талантливо, живо и очень похоже на нашу молодёжь, только там безработный парень ест за завтраком ветчину и ананас со сливками.

6.09.64. *Сыну Дмитрию.* Встретил в КОГИЗе твоего товарища, Белозёрова. Он нёс чемодан книг. Объяснил, что два раза в месяц, в дни полочки, покупает книги, несёт к товарищу прятать от жены. Он теперь работает не в газете, а главным редактором на Телевидении.

10.09.64. *Сыну Андрею.* Все учащиеся училища (и всех техникумов) выехали в колхозы на уборку. Умоляли партийных лидеров оставить в городе учащихся первого курса, где девчонки по 14 лет, но диктаторы зарычали на директора. А зерно зелёное, сырое, лежалое.

У меня образовался в работе вакуум, и я, кажется, впервые не знаю, чем заняться. Ходить в КОГИЗ – слишком много соблазнов. Письма все написаны. Ах, впрочем, не все. Не освоена Южная Америка.

15.09.64. *Сыну Дмитрию.* Перефразируя Толстого, могу написать, что всё больше и больше мне делается непонятным нелепость человеческого существования и явное бессилие что-нибудь изменить в нем. Почему нельзя жить вместе с близкими людьми? Почему нельзя жить там, где хочешь? Почему нельзя передвигаться так, как хочешь? Почему одни кушают много и вкусно, а другие мало и больше пьют чай, чем едят? Почему человеческий аппарат изнашивается у одного в 40 лет, у другого в 60, у третьего в 80? Почему в Москве есть сахар и масло, и сыр, и яйца, а у нас нет? Почему люди не имеют того, что они хотят и что им крайне необходимо? Почему...? Все эти почему свидетельствуют, что я впадаю в детство...

20.09.64. *Сыну Дмитрию.* На днях встретил Ушкова (директор Краеведческого музея. – Прим. А. Р.-К.), который рассказал мне за полчаса такую массу всяких новостей, что их никак не запишешь на бумаге. Между прочим, он говорил, что наше петропавловское высшее общество обеспокоено, что их молодое поколение заражено вредными идеями. Что ж, в конце концов, вся иностранная литература вредна, не говоря уже о кино и телевизоре...

Кто виноват в такой всеобщей распушенности? Это, пожалуй, признак чудовищной духовной нищеты и отсутствия идеалов. Нет веры в будущее. Нет веры в Бога, все равно какого – Христа, Будду, Кон-Тики. А раз Бога нет, то всё позволено, писал Достоевский. В Петропавловск приехали работать чешские инженеры. Им дали квартиры и все блага. Но им стало скучно в дикой стране варваров, и они стали устраивать оргии с туземными девушками-школьницами, как если бы они приехали в Гану или Нигерию.

4.10.64. *Сыну Андрею.* От тёти Фанни из Парижа было интересное письмо с фото и описанием замка друзей, маркизов Монбелиаров, где она «отдыхала». Также описывает ферму, которую купил в Пиренеях Алик, ее сын. Приглашает нас всех приехать на ферму – «лучше всего ранней весной, когда цветет миндаль, персики и апельсины». Ира уже скопила на поездку 1 рубль 27 копеек – но не хочет смотреть, как цветут апельсины, а кушать их. Что же, когда-нибудь возможно, что вы сможете туда поехать. А пока что кушайте в столовых. У нас меню стало еще более однообразным и порции меньше, наверно потому, что «цыплёнки тоже хотят есть».

Небывалый урожай фруктов в Алма-Ате. Чтобы отправить посылку яблок, люди становятся в очередь накануне, т. к. почта принимает в день только сто посылок. Но сахара и мяса там нет. У нас до сих пор ещё не убран весь хлеб и картошка. Даже 7 и 8 классы (и Наташа) ездили на картошку, которой еще много в поле.

28.10.64. *Сыну Дмитрию.* У нас стало совсем плохо что кушать. Кроме картошки ничего нет. Молочное достается с трудом. Никаких вермишелей, круп. Много рыбных консервов, но их нельзя есть каждый день вместо обеда. Обещают, что будет пшеничный хлеб с 1 ноября. В столовых громадные очереди за паршивым борщом и «рагу» – 50 граммов. Вчера купили в буфете столовой кило масла за 4 руб. (новых). Это по курсу равно 4 доллара и 4 пенса. По молоку мы перегнали США. В какой стране ещё масло стоит так дорого?..

Если бы ты прочёл когда-нибудь мою рукопись, ту самую, III часть (имеется в виду «Надежда Филаретовна фон Мекк и ее семья». – Прим. А. Р.-К.), ты бы знал, что у нас были воспитатели всегда с широкими, передовыми взглядами

на жизнь. Каждый вносил что-то своё и «капал нам на мозги». А газеты разных направлений? А разговоры и споры? А школа и товарищи? Мой дядя Макс, брат мамы, был известный на Западе теософ. Но это была дамская болтовня. Мама быстро разочаровалась в этой «науке» и стала изучать йогов, и их учение стало её религией. Эту философию принял и дядя Митя, мой брат. Ещё мама одно время увлекалась Владимиром Соловьёвым. Читала Мережковского. Я тоже – в возрасте 16-18 лет. В Правоведении я ничего не читал путного, и только безобразничал, но уже какой-то фундамент был заложен в сознании. Был критерий добра и зла.

3.11.64. Сыну Дмитрию. Вечер. Мне очень вдруг взгрустнулось. Сегодня на уроке слушали 6-ю симфонию Чайковского. Она всегда производила очень сильное впечатление, а сегодня она звучала как-то особенно сильно. Даже девчонки притихли. А на меня низошло какое-то прозрение. Я вдруг предельно ясно представил себе Петербург, концертный зал, публику, не нашу, а ту, другую...

Не пора ли вернуться к нормальному положению жизни? Уже три поколения не живут, а влачат свои дни в обстановке безумия и ужаса. Нельзя же так. Довольно революции, и тянуть ее 47 лет. Надо не лозунги, а дела. Это, конечно, не будет приятно тем, кто ничего не умеет, кроме лозунгов.

11.12.64. Сыну Дмитрию. От тети Фанни из Парижа письмо. Ждёт от нас писем. Её сын Алик ездил на Восток в мусульманские страны. Обнаружил в каком-то архиве грамоту, подписанную Василием III, отцом Ивана Грозного! Потом отдыхал на своей ферме в Пиренеях, где цветут сейчас розы, фиалки, мимозы. Фантастика!

25.12.64. Сыну Дмитрию. У нас по-прежнему хлеб – проблема. Мясо «бывает», но чтобы купить, надо встать в шесть утра, идти на базар и ждать, не привезут ли его колхозники. В это время на базаре уже ждёт значительная толпа мужиков, настроенных агрессивно, когда появляется колхозник – начинается бой за мясо или гуся. Такой способ снабжения не для нас. Для меня сложная проблема дойти до столовой, где, кстати, теперь нет мясных блюд, рыба редко, и предлагают кашу манную и оладушки. Ты видишь, что у нас никто не может заниматься снабжением. После 6 часов в магазинах ничего нет, что могло бы быть, например, вермишель или рыба.

15.02.65. Екатерине Беннигсен (жена двоюродного брата, внучка адмирала Г. И. Невельского, в Бразилии). ...Получая Ваши письма, всегда думаю: «Зачем?» Зачем Вы в Южной Америке, а не на Фурштаттской или Сергиевской? Впрочем, я этот вопрос «зачем» задаю и относительно себя, и сестры, поселившейся вдруг к финалу жизни на границе вечной мерзлоты.

Мой сын, Дима, говорит, что всё это необходимо для мировой гармонии и утверждения человеческой личности. Может быть это и так, но всё-таки мне не понятно, почему Ваши внуки должны утверждать свою личность в Рио, а не в Павловске или Петергофе, в Гаграх или Ялте?

17.02.65. Марине Степаненко, племяннице, в Бразилию. Милая Марина, как полезно и интересно читать Ваши письма. Они помогают мне реально представить себе, что есть ещё громадный мир, и в нём Южная Америка, а в ней Сан-Пауло, и в нём три миллиона жителей, т. е. город больше нашего старого Петербурга! Но Вы уж меня простите – ваш Сан-Пауло мне совсем не нравится, хотя город видно

что богатый и шикарный. Но мне по душе больше маленькие города Европы, и я уже не говорю о каком-нибудь Старом Торжке или Тихвине, где монастырей и церковей больше, чем жителей. Я никогда не любил толпу и скопление людей. Это, наверно, передалась мне по наследству та «людобоязнь», которой болела наша бабушка Надежда Филаретовна фон Мекк.

...И всё-таки очень странно, что Пасха у вас бывает осенью, когда это чисто весенний праздник, а потом Троица и Духов день, когда по русскому поверью «земля бывает именинница». В старину у нас на пасхальном столе стояли гиацинты и лакфиоли, которые очень любила мама. Вы, наверное, совсем не знаете, что такое фиалки и ландыши? Я когда вижу их, испытываю какое-то чувство гордости за нашу природу.

2.03.65. *Сыну Дмитрию.* Появился журнал «Простор» (Алма-Ата), редактор Шухов. Есть совсем хорошие статьи, как например: о дуэли Пушкина – Раевского, о появлении футбола в России – М. Роома (!?). Интересно, кто этот Раевский Николай Алексеевич?

9.03.65. *Сыну Дмитрию.* Ночами усиленно вспоминается детство и люди, окружавшие меня. Вспомнилось: «Господи и Владыко живота моего» в деревенской церкви в Журавлёве. Очень умная молитва. Автор Ефрем Сирин... Плохих людей было мало, и я благодарю Судьбу, что знал так много хороших и доброжелательных ко мне людей. Злые и жестокие появились потом. Нужна ли была их жестокость? Думаю, что нет. Конечно, зло появилось в 1914 году, в войну. Его только выпусти на свободу, а потом и не загонишь обратно...

17.04.65. *Сыну Дмитрию.* ...Была городская учительская конференция. Я узнал, что на ней хотят меня наградить грамотой. Я не пошёл. Начальство злится, а я волнуюсь, как бы избежать этой чести. Мне сейчас нужна квартира, а не грамота, т. к. дом совсем еле держится. И ещё мне нужен покой, а для этого лучше всего было бы поехать в Журавлёво, где весной было море ландышей и сирени. Согласен и на ферму в Пиренеях, и дачу в Соломенной сторожке в Москве.

12.05.65. *Сыну Андрею.* ...И тут я вспоминаю изречение из Талмуда: «Нам положено трудиться, но нам не дано завершить наш труд». – Но стараться, конечно, надо. И, кроме того, этот труд хорошо отвлекает от всяких противных вопросов.

21.05.65. *Сыну Дмитрию.* ...В больнице со мной лежали интересные люди. Лишний раз убедился, что советский народ вполне созрел, чтобы самому управлять государством, без нянек.

18.06.65. *Сыну Дмитрию.* Дом наш совсем стал не домом. Стены шатаются. В комнатах идёт дождь. Все секретари обкомов, горкомов, горсовет возмущаются: «Как, Корсакову до сих пор не дали квартиру?» – и дают нашим соседям. Сегодня переезжает в новый дом «немтой» и другой сосед. Всё-таки я для них для всех чужой, а «немтой», торгующий порнографическими фото, свой. Ведь Владимир Петрович Ляпунов так и не дождался новой квартиры.

14.08.65. *Екатерине Беннигсен, в Бразилию.* ...Сейчас к нам приехала из Тифлиса Наталья Евгеньевна Воронцова-Вельяминова, наш старый друг. Она правнучка Пушкина. Мы с ней наслаждаемся, часами перебирая и вспоминая генеалогию разных русских фамилий. Она ещё помнит Александра Александровича и Марию Александровну Гартунг – детей поэта.

10.09.65. *Сыну Дмитрию.* У нас ЧП. Купили в кредит пианино («Беларусь») III сорт. Это травмировало и карман, и душевные силы. Конечно, это авантюра, но необходимая.

На «Америку» не было подписки для желающих, а только по списку, 16 экземпляров. Купил 7 том Доде. Думал, там «Сафо», но, наверно, редакторы решили, что советским читателям свыше 16 лет нельзя читать о парижской богеме.

19.12.65. *Сыну Дмитрию.* Страшно подумать, что теперь все журналы в связи с 50-м юбилеем Октября будут печатать только статьи о революции. Я не помню, чтобы в юбилей освобождения крестьян в 1911 году журналы писали об этом, и только об этом. Кто читает такие статьи? Только такие старики, как я, да и их единицы.

5.03.66. *Сыну Дмитрию.* Я последнее время все думаю вот о чем: у нас за 50 лет советского режима всё старое разрушено, уничтожено, опустошено и перевернуто вверх ногами. А в капиталистическом обществе все осталось прежнее, старые традиции, обычаи, привычки, стремления. Там жизнь человеческого общества не прерывалась и не опустошалась духовно и материально. А у нас 7 ноября 1917 года старый мир был разрушен, как после атомной бомбы, и советские люди стали жить, лишённые каких-либо старых приемов и навыка, повинувшись своим инстинктам только. Никаких норм человеческого поведения не стало. Живу, как хочет моя левая нога. Религии нет, семьи нет, морали нет, традиций нет, ничего нет. Наконец спохватились, испугались. Придумали Уголовный кодекс и мораль коммунистического человека. Но этику придумать нельзя... Советские люди – это прежде всего люди («советские» – это вывеска), и они, как и все люди других стран и материков, живут человеческими инстинктами, как волки – волчьими, тюлени – тюленьими, олени – оленьими, и никакая вывеска не изменит их человеческой природы.

25.03.66. *Сыну Дмитрию.* Народ сейчас не знает Христа и еще меньше его учение. Когда народу говорят «христианство», он думает, что это наше развращенное духовенство, в рясах и с длинными волосами. Нужно оставить «социализм», как всем понятный сейчас лозунг, но влить другое, разумное и справедливое содержание.

9.04.66. *Сыну Андрею.* На днях в Училище была лекция о международном положении. Читал штатный докладчик обкома партии. Он был в дребезину пьян, и поэтому лекция проходила весьма оживленно, с веселым оживлением в зале и с аплодисментами. Он начал с того, что не на скрипках надо учиться играть, а надо учиться резать, душить и убивать, т. к. очень скоро будет война. Потом поздравил учащихся, что они живут в стране, где нет домов терпимости, «а в Америке в вашем возрасте уже все занимаются проституцией» (веселое оживление в зале)...

Но, увы, и другие лекторы (трезвые) тоже говорят о войне в ближайшее время, и мне это совсем не нравится. Все очень ждали и надеялись на Съезд. А теперь наступили серые будни. Ничего из того, что ждали, не было сказано.

16.04.66. *Сыну Андрею.* На Съезде было решено усилить помощь освободительному движению во всем мире, то есть это значит война с США. Зачем? Можно ли экспортировать «революционную ситуацию»? Известно, что нет. А как же «существование»? Даже Ушков не знает, что будет...

24.04.66. *Сыну Дмитрию.* В связи с моим «юбилеем» я подвел некоторые итоги.

Я зарабатываю (или получаю пенсию) больше 10 тысяч рублей в год и существую в совершенно ненормальных условиях. Я не живу там, где я хочу и как хочу: квартира – негритянская. Я не мог и не могу детям дать то образование, какое хотел. Я не могу ездить за границу и даже свободно передвигаться по своей стране. Я не могу летом жить в своей деревне, хотя бы на хуторе. Я не могу лечиться у того врача, у которого хочу. Я не могу заниматься общественно-политической деятельностью. Как видишь, я мало что могу. И в то же время я вспоминаю своих дядей Сашу Римского-Корсакова и Сережу Римского-Корсакова. Они тоже получали в год около 10 тысяч (я получаю больше их). Жили они так: квартира в Петербурге, в центре, 5-7 комнат. Лакей, горничная, кухарка. Летом поездка на один из европейских курортов, и вся семья в деревне – усадьбе среднего достатка. Дядя Саша там построил каменный двухэтажный дом для приезда родных. Питание – трехразовое, не считая чая. И дядя Сережа, умирая, оставил трем своим детям по 50 тысяч. Скопил! Какая разница с нашим полуголодным, нищенским существованием, без каких-нибудь перспектив на будущее...

12.05.66. *Сыну Дмитрию.* В КОГИЗе новости: закрыли художественный отдел, т. к. там растрата за 10 месяцев 2500 рублей, которые разложили на продавцов. Они обиделись и ушли, а новых никого нет желающих. Крали не они, а бухгалтерия. Любопытно, что в область пришло всего 60 экземпляров «Щит и меч», и ни одна книга не дошла до прилавка.

21.05.66. *Сыну Дмитрию.* Сегодня первый секретарь Казахстана говорил по радио, что без овладения марксистско-ленинской теорией нельзя написать хороший роман. Идиот.

1.08.66. *Сыну Андрею.* ...Тетя Фанни из Парижа прислала моим девочкам небольшую посылку всякой одежды и хотела что-то послать вам. Ее племянница (муж француз), Ирина Чавчавадзе, приезжала переводчицей при жене де Голля. Очень довольна, как их принимали в СССР, и что они «объедались икрой и семгой»!!! До чего же наивные люди. Пишет о ферме в Пиренеях и об урожае фруктов. А у нас лета еще не было: холодно и дожди. Вчера топили печку.

10.09.66. *Сыну Дмитрию.* Сейчас я сижу и реву. Пришли парни 3-го курса, принесли дрова из Училища, пилят, рубят и делают нам завалинку. Такую заботу и внимание я еще не встречал, и мне стыдно, что я ничем не могу их отблагодарить. Ни даже по стакану вина. И организовал это все Юра, ученик-немец, член КПСС. Ведь есть же все-таки люди в СССР.

7.10.66. *Сыну Дмитрию.* У нас грандиозный урожай. План по области 35 миллионов пудов, а собрали больше 100. Это объясняется «претворением в жизнь решений съезда партии». А погода была небывало сухая и теплая. Только вчера первый мороз. А мы уже давно топим, а дров в городе нет. Весь транспорт на уборке. Чудовищно большой урожай хлеба, а вчера в магазинах его не было.

...Ты знаешь, что я натворил? Написал восемь тетрадей «Театральных силуэтов». Это 2-я часть театральных воспоминаний. Здесь Станиславский, Шаляпин, М. Н. Ермолова, А. А. Горский. Это очерки или, вернее, интимные портреты и, конечно, их творческие характеристики. Конечно, печатать это все сейчас нельзя. Еще не время. Но, думаю, что потомству будет интересно.

15.11.66. *Сыну Андрею.* Статья обо мне не очень меня порадовала. Во-первых, никакой моей личной заслуги нет, что я «потомок великих». Это случайность природы. А кроме того, она внесла еще большую отчужденность в мои отношения с товарищами по работе.

6.01.67. *Сыну Дмитрию.* Недавно приезжал из Москвы лектор и читал о международном положении для партактива. Он утверждал, что война с Китаем будет в 1967 году, и тогда же начнут войну и немцы. Очень это тяжело, и страшно думать о последствиях. Мао – новый Конфуций, но наоборот, как Антихрист.

Не могу не написать: на Новый год пьяный рабочий возвращался домой с пьяной женой. Она упала в овраг и замерзла. Предполагают, что он сам ее туда толкнул. Рабочий завода пошел к приятелю. Выпили. Подрались. Приятель убил рабочего бутылкой по голове. Пьяный отец запер в чулан своих двух детей, мальчиков, чтобы не мешали. Лег спать. Дети замерзли. – Вот человеческое общество, среди которого мы живем. Может быть, действительно, нужны идеи Мао, чтобы избавить человечество от полного разложения.

25.01.67. *Сыну Андрею.* Что у нас? Мороз, холод. Дома замерзает картошка на полу. Хожу в шубе и шапке. Топим целый день. От холода дрожу и ничего не могу делать. Думаешь только, как бы согреться. Все хлопоты о квартире безрезультатны. Я думаю, что начальство меня не любит, и фанфарная статья обо мне внесла еще больше отчуждения и неприязни. (Речь идет о статье Н. Варова в «Ленинском знамени» от 26 и 27 сентября 1966 г. под громким названием «Потомок великих». – Прим. А. Р.-К.).

29.01.67. *Сыну Дмитрию.* Закончил «Театральные воспоминания». Больше писать мне нечего. Выжал из себя все, а если и не все, то это еще писать рано. И вообще, у меня теперь «всё». Я с 1-го числа в училище не работаю. Что я буду делать? Болеть, топить печь, буду объектом для дурного настроения моих домашних, ждать почтальона. Программа, как видишь, большая.

Военная тайна: здесь наш батальон находится в состоянии боевой тревоги, и спят, не раздеваясь....

Тетя Фанни обещала послать мемуары Кшесинской, но сомневается, что у нас их пропустят, т. к. там всё цари и цари. Племянница ее опять поехала переводчицей в СССР, сначала с дочерью Косыгина, а теперь с Кириллиным (кто это? я не знаю) (зам. Предсовмина СССР Косыгина. – Прим. А. Р.-К.).

7.02.67. *Сыну Андрею.* ...Квартира: холод, мороз! Вода замерзает, и даже мое лекарство! А топим целый день, не отходя от плиты. Уголь плохой, и морозы, морозы около 30°. И вот, наконец, говорят, что мы получили новую квартиру около вокзала. И начинаются издевательства. Почему же не в центре, как было обещано? Четвертый этаж! Вот награда за пятьдесят лет служения советскому народу. Хотя, конечно, мне – «потомку великих» – надо бы только радоваться, что меня не прикончили раньше, как многих других, в благодарность за преданность русскому народу. И в результате перспектива столкнуться с идеями Мао!

Я знаю, что есть мир, где люди живут по-настоящему. Вот тетя Фанни. 80 лет, а сколько энергии, и как она полна всяких забот и интересов, не личных, а действительно общественных. А быт? И когда я подумаю о 4-м этаже, охватывает ужас. За что? – как говорит Райкин. И надо радоваться, т. к. могло быть хуже.

10.02.67. *Сыну Дмитрию.* ...Две маленькие клетушки, проходные, никаких коридоров, сараев, шкафов, прихожих... (Речь идет о полученной квартире в новом

доме у вокзала. – *Прим. А. Р.-К.*) Температура улицы. Батареи еле теплые и их мало. Узнаем: отопление забраковано еще с осени. Надо все менять и переделывать. Спим одетые. Конечно, нет и горячей воды и газа. Окна покрыты льдом и снегом. Темно. И обстановка тюремная – Алексеевского равелина. И холод, холод. Все время дрожу. Тяжелый сырой воздух пропитан гарью...

Нечто подобное, особенно холод, я испытал в годы гражданской войны, когда зимой в Казани пришлось жить в комнате без стекол. Да и в Москве в 1919–21 годы квартиры не отапливались. Но тогда мне было не 75 лет, а всего 30.

Как мог Горсовет заселять людьми, не телятами, дом абсолютно неготовый для жизни в нем? И до какого морального оскудения дошли наши люди, что с энтузиазмом бросились в такой нежилой дом, со счастливыми лицами, ломая свои вещи: шифоньеры, диваны, и приговаривая: «Ну, как-нибудь». В каких страшных условиях они жили до этого, чтобы радоваться, что нет отопления!

7.03.67. Екатерине Беннигсен, в Бразилию. Милая Катя, Вы, как всегда, написали мне много интересного. Не мог я не порадоваться, что Вы не забыли, какие бывают следы зайцев. Да, лунные ночи зимой в лесу фантастически прекрасны, и не мудрено, что родилась сказка о Снегурочке. Читают ли Ваши внуки русские сказки и книги Пушкина, Гоголя? А как это трогательно, что они с Вами говорят по-русски! Я рад, что статья «Гавань Паллады» Вам понравилась. Вы правы, что в прошлое время так называемое «образованное общество» совсем не интересовалось историей нашей Родины, и проявлять патриотизм считалось весьма дурным тоном. Помню, как мы все смеялись над моим товарищем, который летом поехал на Камчатку, а не в Италию. Нелепое было время.

...Все же наперекор всем осложнениям нашего быта я написал воспоминания о Шаляпине, Станиславском, Фокине и московском балете, который сыграл значительную роль в моей биографии. Конечно, эти мемуары не для печати, а для моих детей. «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу»... Сейчас у нас увлекаются стариной. Создаются исторические кружки, общества. Изучают в школах свой край. Старые памятники охраняются. Все это весьма отрадное явление.

11.03.67. Сыну Дмитрию. ...Трудно понять, почему после всего, что пишут в газетах и «Крокодилах», всё делают плохо. Окна, двери, полы, отопление, канализация – брак. Включили нам газ. Но плита вся кривая, косая, и девушки, вроде Наташи, мастера, всё бегали и искали, где утечка!

27.03.67. Сыну Дмитрию. Вот оно слово, Дима: «Дом». Вот, чего у меня нет. Эту жалкую коробочку я не могу назвать домом. Меня эта жалкая и плохая квартира унизила и оскорбила мое человеческое достоинство. Возможно, мне это послано, чтобы смирить мой дух и наказать мою гордость. И советской власти поручено наплевать мне в душу... Мы получили на 6 человек – 24 метра, а есть люди, которые на двоих получили – 42 метра!

12.04.67. Сыну Дмитрию. Мои письма читаются в Бразилии как «последние новости» из России. Наши газеты, журналы и книги там запрещены. Но в то же время фильмы наши идут, и была наша выставка древней русской архитектуры (церкви и монастыри). Ах, Дима, не теряй время, переключайся на переводчика!

Тетя Катя спрашивает, есть ли в моей новой квартире вода? Все-таки они там что-то кумекают, что задают такие вопросы. И верно: на Луну мы летаем, а воды в квартирах может и не быть.

4.05.67. *Сыну Дмитрию.* Вот впечатления от больницы (областной) на площади. Теснота, сумбур, сквозняки. Кормят, как в войну. Только каша. Сахара нет. Со мной лежит врач Бабаянц, который лечил меня в 1946 году. У него был инфаркт. Он хочет, чтобы целый день гремело радио, а я хочу тишины и покоя. Меня продувает ветер из форточки...

...Писать не могу – нет авторучки. Книг, журналов нет. Скучно. Соседи – колхозники и работники совхозов. Очень интересно рассказывают. Живут теперь очень хорошо. Зарплата приличная, и у каждого свое хозяйство. Специалисты: трактористы, агрономы, зоотехники получают много. У некоторых есть «Москвичи». И как повысился уровень знаний народа. Они уже не младенцы, которых партия должна водить за ручку, чтобы они не споткнулись. И что же, если даже споткнутся, ножки у них крепкие – встанут и пойдут. Мудрые советчики нужны, но не няньки.

О погоде. Вот три недели солнце, тепло и ни капли дождя. Земля – пыль, сеять нельзя. Травы нет. Печально.

Со мной в палате еще один интересный парень 28 лет, истопник на заводе. Получает больше 100 рублей. Покупает книги. Комната 8 метров. Книги держит в ящиках. Умница. Скромный. Его избили и ограбили хулиганы. Нервный шок.

19.05.67. *Сыну Дмитрию.* Сейчас будет юмор: наша палатная нянечка, девчонка 18 лет, просит меня сочинить ей вальс, вроде «Амурских волн», «только не симфонию».

Сижу в больничном садике и наблюдаю, как больные дуют из бутылок вино и играют в карты. И наблюдаю, как все колхозники стали хорошо одеваться.

24.05.67. *Сыну Дмитрию.* Новый магазин КОГИЗа. Он на новой улице, против старого пивного завода и тюрьмы. Никаких автобусов туда не ходит. Надо такси. Надо с кем-то ехать. Это очень непросто...

Колхозники и совхозники рассказывали чудеса о теперешней жизни в деревне. Есть радио, телевизоры, свои машины. Меня, Дима, радует, что, несмотря на все ужасы за 50 лет, у нас есть еще в народе настоящие люди.

Начал читать письма Чайковского. Дело подходит к свадьбе моей мамы в 1884 году. Но почему они так медленно печатают эти письма?

Посылаю тебе для Ксении статью Варова о Юрии Львовиче Давыдове (племянник Чайковского, Ксения – его дочь. – *Прим. А. Р.-К.*). Он нашел учительницу, у которой Юрий Львович жил в Петропавловске. Молодец!

31.05.67. *Сыну Андрею.* В больнице меня много кололи, но делали это улыбаясь, а не рыча. Много было интересных людей из районов. Деревня стала жить совсем хорошо. Работники совхозов имеют хорошие квартиры (и не одну комнату), огороды, коровы и свиньи, птицы. Это их кормит, а на зарплату покупают вещи. Все хорошо одеты. Ну, и пьют, конечно. И «критикуют». И очень все стали взрослые. Всё понимают. Это отрадное явление.

09.06.67. *Сыну Дмитрию.* ...Что говорят о бегстве Светланы, дочери Сталина? Бродская слушала «Голос Америки». Индия отказала ей в убежище, США тоже, но там купили ее книгу воспоминаний. Теперь она в Швейцарии. Она говорит, что нельзя, чтобы запрещали у нас писать правду и запрещать «Доктора Живаго». Говорит, что ее отец во многом виноват, но не только он, а виновата вся наша система. Ее бегство, я думаю, страшный скандал для нас. Уж если дочери Сталина стало у нас душно и невольно жить, то дальше так нельзя. В «Известиях»

написали о ней всякую ерунду. А по-моему, смелая женщина, вполне дочь своих родителей.

А какой молодец Эренбург, что не захотел присутствовать на этом гнусном сборище лакеев. Но я не верю ни в какие перемены. Все довольны. В магазинах толпы покупателей. Все пьянствуют, и ничего никому больше не надо. У нас нет и не может быть «революционной ситуации».

...Когда ездил искать КОГИЗ, то увидел новый Петропавловск. От ул. Лени-на к старой барахолке и дальше все новые дома. Внушительно, но неприятно. Полное обезличивание, и выглядит, как индейские резервации. Наша площадь тоже очень эффектна, особенно вечером. Но почему-то на ней всегда вихревые ветры, как на Курилах.

...Читаю Бунина. От его плача по старой России разрывается сердце. Я понимаю каждое его слово. Зачем было ломать и рубать старое сплеча! Зачем надо было опоганить душу народа? Зачем мы все лишены права участия в делах государства? Зачем ложь, ложь и гнусность?

Когда бываю на Ленинской, радуюсь на зелень, деревья, густые кусты.

30.06.67. Сыну Андрею. Сегодня ждут приезда главы Казахстана, первого секретаря Уканова. Вся площадь украшена флагами, и ее усиленно поливают. Ловят пьяных. Можно подумать, что приезжает У Тан или Де Голль.

28.08.67. Екатерине Беннигсен, в Бразилию. Так вот: чудо из чудес – мы переехали на другую квартиру! Совсем неожиданно наша знакомая предложила нам поменяться квартирами. Ей нужно жить поближе к вокзалу, а нам подальше. Район элиты. Центр. Много зелени. Три комнаты (предел мечтаний человеческих!!!), 2-й этаж. Дом пять этажей, стандартной архитектуры, но не кирпичный, а шлакобетонный. Улица бойкая. Очень большой двор, где с утра до темноты играют в разные игры, тренируются, визжат, орут, кричат, свистят, дерутся юные граждане всех возрастов, начиная с пеленок (на руках у мам и бабушек). Соседей слышно. Но это все во много раз тише, чем было у нас около вокзала. Я детей люблю и с удовольствием гляжу на их неопишемую физическую жизненную энергию.

Жаль, очень жаль, что русские книги для Вас табу. Много издают у нас интересного. Знаете ли Вы романы Эренбурга? А Солженицына? Читаю «Записки» В. Н. Житовой – внебрачной дочери матери Тургенева, второй Салтычихи. Очень любопытно. А через сто лет будут читать мемуары о нашем времени и говорить то же: любопытно, как они могли жить тогда!/? Еще читаю «Историю дипломатии». Поучительная книга. Это история о том, кто кого обманул, надул, задушил и ограбил. На протяжении веков – одна политика, меняются только имена.

3.09.67. Сыну Дмитрию. В Петропавловске было два случая избияния в вытрезвителе, с убийством. Один из них знакомый Ушкова. Он говорит о большом недовольстве народа нашим начальством, и о все большем замыкании руководства партии в своих личных интересах, и о создании иерархии бонз. Первый секретарь приказал построить себе отдельный дом, т. к. он не хочет жить вместе в одном доме с другими секретарями и начальниками. Напоминает Нерона и римских патрициев и плебеев. Все это очень интересно и, очевидно, будет иметь продолжение.

30.09.67. Сыну Дмитрию. ...Кругом магазины завалены всякими деликатесами и винами. Арбузы, дыни, виноград. Это все к юбилею Октября. А какой жалкий, позорно жалкий подарок населению последние «прибавки» – 15 дней отпуска вместо 12! Какая насмешка. Все ждали другого, а главное, снижения цен. У Марии

Михайловны на заводе всё читают лекции о неизбежной войне и о том, что наша экономика отстает от богатства США, и они нас хотят задушить не войной, а расходами на вооружение. Мы в нашем благополучии дошли до потолка. Очень это печально. Верховный Совет должен все это утвердить. Неужели никто не будет критиковать? Интересно, что говорит «Голос», «Би-би-си»? Наверно, смеются и злорадствуют.

21.10.67. *Сыну Дмитрию.* Димуша, прилагаю письмо для тети Фанни, которое прошу тебя ей послать заказным. У нас здесь на почте бедные девушки плачут, когда я им приношу письма за границу, и не знают, сколько клеить марок и т. п.

Знакомая Елены Михайловны (Е. М. Адамович, бывшая балерина Большого театра. – *Прим. А. Р.-К.*) ездила в Париж и была у Кшесинской, которой 94 года. Она встретила ее очень любезно. Я тоже хочу повидать Кшесинскую и напомнить ей, что она 75 лет назад (!) купила дом у моих родителей в СПб. Фантастика! (М. Ф. Кшесинская, бывшая балерина, эмигрантка. – *Прим. А. Р.-К.*)

21.10.67. *Сыну Дмитрию.* Прочел, что чтобы не быть стариком, надо раз в неделю хвалить хотя бы что-то из современности. И я все думаю, что бы это похвалить? Не знаю, может быть, транспорт? Но у нас автобусы очень плохо ходят, такси нет, железнодорожные билеты и авиа очень дорогие. Что? Не подскажешь ли? Райкина!

28.10.67. *Сыну Дмитрию.* Сегодня Мария Михайловна пришла с работы в панике. Им сказали, чтобы они приготовили чемоданы с необходимой одеждой (зимней) и бельем, а также продукты на четыре дня! Армия в боевой готовности № 1. Ждут нападения Китая. Конечно, от людей с большой психикой можно ожидать любых безумных поступков.

7.11.67. *Сыну Андрею.* Итак, 50 лет Октября. Много всяких мыслей вызывает эта дата. Сейчас перед нашими окнами проходят тысячи трудящихся, весь город. Флаги, флаги. Все молодежь. Очень юные, много детей. Что их ожидает?

Революция была неизбежна. Ничто у нас в России не могло ее остановить. Толстой писал, что нельзя понять, почему в 1812 году одни люди с оружием двинулись на Восток, а другие люди на Запад. И почему они убивали друг друга? Революция тоже была вызвана какими-то законами развития человеческого общества. Остановить этот процесс было невозможно. Но избежать все сделанные жестокости было вполне во власти людей...

Вспомнилось, что 50 лет назад в этот день гарнизон города Борисоглебска, где я служил, начал громить большой спиртовой завод. Больше 25 тысяч солдат громили завод несколько дней. Многие погибли. Трупы плавали в громадной цистерне со спиртом, откуда его черпали ведрами. Потом цистерна загорелась, но солдаты бросались в огонь за спиртом и сгорали. Запасы водки и спирта были громадные. Узнав о погроме – «вино делят!» – громить и грабить бросились и крестьяне со всей округи.

12.11.67. *Сыну Дмитрию.* Отгремели салюты, отыграли фанфары, выпили все вино, съели всю колбасу (кроме 4 р. 50 кило). Шатались по улицам и гостям, не зная, куда себя деть от скуки. В вытрезвитель было приказано не брать пьяных, а вежливо отвозить домой (боялись повторения Чимкента). Вообще, боялись. Во всех учреждениях все семь дней сидели дежурные, и это создало тревожное настроение. Основание для страха, очевидно, было, т. к. в городе появились листовки, отпечатанные на машинке. Ищут – кто?

Моих домашних никого дома не было. Все уходили «гулять». Я сидел один и писал... «список» погибших за 50 лет моих родных и знакомых. Всех припомнить не мог. Да, революция была неизбежна. Все к этому шло. Да, Ленин придумал новую передовую форму государства. Но зачем надо было вводить эти новые формы с такой чудовищной жестокостью? Погибли миллионы. Из них подлинных врагов был ничтожный процент.

1.01.68. Сыну Дмитрию. В дни праздников особенно вспоминается прошлое, юность. Самые волшебные елки были в Журавлёве, когда мне было 6-8 лет. Здесь все было родное. В Волочанове я себя чувствовал как-то неловко. Здесь многое мне было чуждо, главным образом, мой отчим Дмитрий Михайлович (князь Д. М. Голицын, сотник кубанского казачьего войска, офицер Конвоя. – *Прим. А. Р.-К.*), с фактом существования которого я никак не мог примириться. Хотя он ничего плохого нам не делал.

В 1911 году сгорел дом. Это был страшный удар. Хотя в 1917-м мы бы его все равно потеряли, а потом его сожгли бы немцы. Стали жить в каменном флигеле. 8 комнат наверху, хорошо «благоустроенных». Елку уже не делали большую. Но на столе стояли цветы: лакфиоли, гиацинты, цикламены. Было очень вкусно. Много снега. Тихо. На кустах сидят снегири. На земле мир. Люди такие хорошие. Небо чистое!

6.01.68. Сыну Дмитрию. ...Посмотри, как весело пьют вино. Есть совершенно ясные и конкретные цели в жизни: телевизор, холодильник, «Волга», – и есть надежда у всех достичь этих целей любыми средствами. Хорошее или дурное настроение у двух-трех поэтов (Евтушенко и др. московские поэты. – *Прим. А. Р.-К.*) не имеет никакого веса, никакого решающего значения и влияния. Поэты всегда бузят, ну и бог с ними. У нас нет общественного мнения. У нас нет такого «среднего американца» или «среднего англичанина», к мнению которого надо прислушиваться, потому что они голос нации и, кроме того, – избиратели.

5.02.68. Сыну Дмитрию. Теперь, когда я приглашаю домой врача, они даже не слушают моё сердце. Один говорит – больше гуляйте, а другой – больше сидите и лежите. Прочел, что во времена Юрия Долгорукова один кузнец в Москве очень удачно лечил все болезни водой из-под мельничного колеса. Пройдет еще 800 лет, и наши потомки (если уцелеют) будут так же смеяться, что мы принимали линетол, валидол и пр. муру. А между прочим, в городе ЧП. В аптеках нигде нет сердечных лекарств. Объясняют это тем, что еще в 1967 году больных сердечников стало больше, не по плану, и «лимит исчерпан».

Я последнее время совсем оторван от «большой земли». Все 7 телефонно-автоматов, расположенные рядом, испорчены, оторваны трубки. Писал в газету, и не я один. Газета предложила начальнику милиции «принять меры». Посмотрим.

15.02.68. Сыну Андрею. Маша, внучка тети Фанни, переводчица при русской группе в Гренобле, на Зимней Олимпиаде. Зарабатывает много. Я тебе, кажется, писал, что Алик, отец Маши, читал 10 лекций в США по 50 000 франков за одну лекцию. Это получается 10 тысяч долларов! А мы-то!

27.02.68. Сыну Дмитрию. Смотрел ли ты по телевизору 23 февраля доклад Гречко? Говорят, что при упоминании им имени Сталина в зале гремели грандиозные овации. Что это такое? В чем дело? Полковник, военком, говорил О. И. Же-

леховской (учительница химии в Техникуме. – *Прим. А. Р.-К.*), что никаких концлагерей у нас не было, что Солженицын их выдумал и наврал для удовольствия Хрущева. Как это понять? Наверно, дана такая команда. Но зачем?

14.03.68. Сыну Дмитрию. ...Наблюдаю в окно, как малыши возраста Юры «пинают» на дворе мяч, а мальчишки чуть постарше лупят друг друга по мордám. А нам всегда запрещали быстро бегать, драться, пихаться. Это считался дурной тон. Вот так сейчас у нас растут кадры для будущих войн. Физическая тренировка с детства «красных» дала им победу над благовоспитанными и вежливыми «белыми».

18.04.68. *Екатерине Беннигсен, в Бразилию.* Христос Воскресе! Поздравляю Вас, милая Катя, и Марину с чудным, светлым праздником Пасхи. Пасха – это по правилам уже весна, а у нас еще морозы, бураны. Впрочем, у вас тоже не весна, а осень... Хочется ландышей, сирени, в которой по традиции поискать «счастье». Между прочим, геологи объясняют отсутствие наших полевых цветов тем, что здешняя почва еще слишком молодая. Здесь еще недавно было дно океана, который покрывал всю Западную Сибирь. Представьте себе, я сам нашел здесь в степи зуб акулы!

Что у нас? Постоянные волнения из-за молодежи. Проблема отцов и детей у нас очень резко чувствуется. Мы по-разному понимаем жизнь. Для нас, тех, кто был молод когда-то, жизнь была борьбой за общечеловеческие идеалы, кто как их понимал. Мы не отказывались от всяких удовольствий, но всегда понимали, что не они цель жизни...

Продолжается ли у вас табу на русские книги? А что, если бы Вам их получать из Франции или Англии? Или русское всё вообще под запретом? А теперь много пишут о русской старине. Реставрируется Суздаль, Ярославль и др. Читаю с громадным интересом записки Шалапина и воспоминания о нем. Какая богатая человеческая индивидуальность! Вот уж, в самом деле, чудо природы! А впрочем, Анна Павлова – дочь прачки, тоже чудо. А тот же Горький! А Мейерхольд! А Чехов! Удивительное время! И это тогда, когда все трещало и разваливалось на Руси.

21.04.68. Сыну Дмитрию. ...У нас тоже новости: за три дня до Пасхи в магазинах спрятали все колбасы, яйца, сырковую массу, торты и приготовленные к Пасхе куличи. Но вино оставили. Это что? Военный коммунизм.

22.04.68. Сыну Дмитрию. Есть секта теософов, которые считают, что зло (дьявол) имеет такую же созидающую силу, как и добро (Бог). Так Гёте пишет своего Фауста. Я не считаю зло равноправным добру. Я допускаю, что зло создано для того, чтобы человек с ним боролся. Эта борьба создает прогресс, двигает человечество вперед. Без этой борьбы развитие человеческого общества остановилось бы. Но будет ли когда-нибудь добро преобладать над злом? Победит ли его? Если да, то что произойдет с людьми? Наступит рай, блаженное состояние созерцания своего счастья. Жизнь без болезней, без крокодилов, клопов, войн, т. е. коммунизм? Или что? А вулканы, землетрясения, тайфуны и пр. стихийные бедствия? Кинг умирает, чтобы неграм жилось лучше. Вьетнам умирает за свободу. Две Германии соединятся. А дальше что? Этапы борьбы добра со злом? Какой смысл был в соединении азота с углеродом? Чтобы создать Ленина и таракана? Зачем? Ты пишешь: все двигает, созидает разум. А зачем разуму все это созидать? Не знаю и не понимаю.

2.05.68. *Екатерине Беннигсен, в Бразилию.* Когда в 1922 году я ехал в Москве в последний раз на извозчике, он (старичок) показал кнутом на Университет и сказал таинственным голосом: «Вот здесь они завсегда политику делают» и прибавил еще несколько слов, которые не принято заносить в протокол (не совсем литературных – по старым понятиям).

Вчера было 1 мая. Перед нашими окнами проходили колонны демонстрации. Это очень внушительное и красивое зрелище. Поражает дисциплинированность народа. Все очень нарядно одеты. Надевают свои лучшие костюмы, чтобы показать, что я не хуже других. Пожалуй, слишком много внимания обращают сейчас на одежду. Это понятно. После того, что народ в России ходил в лаптях и отрепьях, хочется прилично одеться.

14.05.68. *Сыну Дмитрию.* ...Вообще, жилищная проблема у нас в СССР совсем не решена. Все наши новые благоустроенные дома можно считать только временным жильем. Наша квартира здесь лучше, чем барак на Ленина, 86, но это совсем не значит, что эта квартира удовлетворяет нашим требованиям. Ленин жил в Симбирске не в трех комнатах. Ну, это все болтовня, но скоро люди поймут это. Вообще, они должны многое понять...

P. S. Более полувека отделяет нас от того времени, когда эти письма были написаны. Но тем не менее, в них явственно прочитываются те настроения, которые блуждали в умах интеллигенции уже в то время – что так дальше жить нельзя! Нельзя больше жить в постоянном унижении, вечной нехватке самого необходимого для человека, в отсутствии подлинной свободы и многого другого, что принес переворот Октября 1917-го, столетие которого в этом году.

г. Москва, 2017 г.

Андрей Георгиевич Римский-Корсаков родился в 1937 г. в Москве. Его отец, Г. А. Римский-Корсаков (1891 – 1971) – представитель древнего дворянского рода, внук известной меценатки Н. Ф. фон Мекк, друга композитора П.И.Чайковского, до Октября 1917-го служил в царской армии, участвовал в Первой мировой войне. В советское время, оказавшись с семьей в Казахстане, отец посвятил себя педагогической работе в музыкальных учреждениях Петропавловска, написал несколько мемуарных и искусствоведческих работ, среди которых обширный труд «Н. Ф. фон Мекк и ее семья». Мать Андрея Георгиевича, Надежда Ивановна – пианистка, композитор и педагог.

В Петропавловске семья прожила почти 20 лет. Здесь Андрей Георгиевич окончил школу, а затем, в 1956 году – Северо-Казахстанский Механический техникум. Работал в г. Соликамске в Центральных ремонтных мастерских, мастером цеха. Военную службу проходил в Хабаровске, в авиационной части, радистом. В 1965 году окончил Московский институт культуры, режиссёрский факультет. По окончании института был направлен на работу в г. Южно-Сахалинск. Работал актером в Сахалинском театре драмы им. Чехова, а затем - режиссёром Южно-Сахалинского телевидения. В 1968 году, вернувшись в Москву, был принят на работу на Центральное телевидение, где около 30 лет проработал режиссером в Московской редакции, а затем еще 15 лет в телекомпании «Авторское телевидение».

Автор ряда очерков о деятелях русской истории и культуры, основанных на материалах семейного архива, которые публиковались в газетах «Московский комсомолец», «Культура» и «Российские вести», а также в книге «П. И. Чайковский – Н. Ф. фон Мекк. Переписка» (т. I, Челябинск, 2007).

